

А. Краснов-Левитин

ПРАВИЛЬНЫЕ ВЕСЫ

**ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ИВАНОВА**

(1905 — 1990)

Н.П. Иванов (1905 – 1990). Фото 1989 г.

А. Краснов - Левитин

ПРАВИЛЬНЫЕ ВЕСЫ

**ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ИВАНОВА**

(1905 — 1990)

Люцерн

Издание автора

ПРАВИЛЬНЫЕ ВЕСЫ

”Да будут у вас правильные весы,
и правильные ефа и бит”

Иезек. 45, 10.

После долгого отсутствия я в Москве. Все то же. Люди. Церкви. Наблюдения. Писанина. Мне говорит один из моих молодых друзей: ”А я беседовал о Вас с Ивановым. Он помнит, хорошо помнит Вас”. Разговор на Тверской. Близ Белорусского вокзала. Ресторан ”Рыбка”. И вдруг неожиданно я вскакиваю. Говорю: ”Берем такси, едем к Иванову”. — ”Как? Сейчас?” — ”Да. И немедленно”. Сказано — сделано. И мы трое. И тотчас поехали.

Николай Павлович Иванов.

С ним меня связывали долгие и сложные отношения. Сентябрь 1945 г. Только что кончилась война. Начало новой эпохи. Нечто новое. *И конкордат*. Для нас, церковников, начало новой эры. После непрестижных насмешек, плевков, бесконечных издевательств и официальных кощунств —

головокружительная перемена. Сталин обменивается любезными письмами с только что избранным Патриархом, по России открываются храмы, в Богоявленском соборе почти каждое воскресенье рукополагают архиереев. Говорят о предстоящем открытии Троице-Сергиевой лавры.

А в Москве, в Новодевичьем, открыта после почти 30-летнего перерыва православная духовная академия — или православный богословский институт. Со всех сторон России устремляются туда церковники, которые ждали этого момента, кто десять, кто двадцать, а кто и все тридцать лет. И вот, среди них я, приезжий из Ташкента питерец, недавний обновленческий диакон, а ныне заведующий литературной частью Ташкентского театра, до войны учитель, аспирант, доморощенный богослов, в кожаной крутке, в кожаных брюках, в тюбетейке, "у врат обители святой" Московского Новодевичьего монастыря, у бывших игуменских покоев. Здесь должен открыться новый институт. Там много людей. Разных людей. Всех возрастов. Пожилые люди с наружностью типичных псаломщиков, недавние учителя, в очках и в пенсне. Мальчики с елейной наружностью, похожие на послужников или иподиаконов. Убеленные протоиереи, прервавшие образование в революционные годы.

"Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состоянья,
Из хат, из келий, из темниц..."

(А.С.Пушкин)

И здесь неожиданное знакомство. Человек невысокого роста, даже мне, малорослому, он по плечо. Плотный. С лысиной. Лицо интеллигентное, слегка подергивающееся тиком, — и в то же время чисто русское. Речь быстрая, остроумная, изобилующая тонкими наблюдениями. Замечания меткие, находчивые, быстрота соображения. С первого раза вызывает симпатию. Мы оба держали экзамен. Ректор поздравил нас с поступлением. Но проходит месяц. Мое поступление в институт было аннулировано по проискам тогдашнего "хозяина Русской Церкви" Н.Ф.Колчицкого, — обер-агента КГБ в рясе. Как острил Иванов: "Самого главного экзамена Вы не выдержали". А Иванов поступил.

Месяца через два Николай Павлович нанес мне визит. Затем последовал мой ответный визит. И началась между нами крепкая, долголетняя дружба.

Мы оба увлекались богословием. Он набрел на собрание редких богословских книг у какого-то старичка. Все книги из библиотеки некоего епископа, исчезнувшего из Москвы во времена ежовщины. Это настоящая сокровищница богословия, — тут представлены все издания Имка-Пресс, а также все книги русских дореволюционных издательств. Богословских, богоискательских, символистских. Труды духовных академий, "Терновник", "Аполлон" и т. д.

Мы погрузились в школьное богословие, и, наряду с этим, в труды Булгакова, Бердяева, Флоренского, Тареева и т. д.

”Меж ними все рождало споры
И к размышлению влекло”.

Я обычно приходил к нему раза два в неделю, — он жил в Долгом переулке, в районе Новодевичьего, — в семье жены.

Все здесь было проникнуто старой Москвой. Тихая улица, деревянный двухэтажный дом. Семья жены. Ее родители: Бессоновы — старинная, московская мещанская семья. Отец и мать. Запомнились они мне. Особенно мама: Варвара Алексеевна. Гостеприимная, ласковая, несказанной доброты. Сын, только что пришедший из армии, другой — так и остался на поле боя. Семья дочери. И, наконец, покойный Николай Павлович с женой.

Его жена Елена Павловна — бухгалтер, — чудесная, религиозная, обаятельная, — это одна из лучших женщин из всех, кого я знал. Я боюсь оскорбить ее скромность (ведь она жива) и эти строки могут попасть ей на глаза.

И сам Николай Павлович. Он из Пензы. Из скромной, интеллигентной семьи. Мать его, которую он обожал, дочь директора Пензенской гимназии. А Коля Иванов в детстве был живым любознательным мальчиком, много читавшим, очень способным. Но и глубоко религиозным. Когда-то, в ранней юности, мечтал о монашестве. Потом пришли девушки. И мечты о монашестве были оставлены.

В 20-е годы, время церковной смуты, Николай был в курсе всех церковных дел. Много раз слушал Антонина и Введенского. Но к обновлениям не пристал. Чуткого, умного мальчика оттолк-

нули пошлость раскола, циничное приспособленчество, подлизывание к советской власти. Он остался верен духу своей строго православной семьи.

Потом переезд в Москву. Поступление в Университет. Знакомство с московской церковной молодежью. Он находит в этой среде много друзей. И главное — девушка Леночка Бессонова, чудесная, милая москвичка.

Большая, чистая любовь. Она его невеста. Это роман в духе 19-го века. Порча нравов, царствовавшая в первые годы революции, совершенно не коснулась молодой четы. И вдруг удар. Николая арестовывают по доносу мерзавца, священника обновленца. Пять лет лагерей. Он там становится топографом. Приобретает новую специальность. Религиозность его усиливается. Между прочим, в лагере возникает его дружба с известным русским архиереем, архиепископом (впоследствии митрополитом) Мануилом Лемешевским. И вот, наконец, освобождение. Перед ним дилемма. Что делать? Остаться на лагерной работе, в провинции, или ехать в Москву, к невесте. После некоторых размышлений и колебаний он в Москве. Многое изменилось. Мать его умерла. Единственный близкий человек — Леночка Бессонова. И больше никого. И она тянется к нему. И совершается брак. Брак двух глубоко верующих, русских людей, соединивших свою жизнь навеки, до гробовой доски.

Супруги ведут трудовую жизнь обычных советских людей (он в качестве инженера-топографа, она в качестве бухгалтера). Но вот наступает война. Она приносит много горестей и бед. И в 1942 году неожиданно светлая страница. Во всех газетах

в Октябрьский праздник приветственная телеграмма Сталину митрополита Сергия — Патриаршего Местоблюстителя. А через полгода обмен телеграммами между митрополитом Сергием и Сталиным. Это сенсация. Собственно говоря, ничего не было нового в том, что Церковь демонстрирует свою лояльность по отношению к власти, новость в том, что эти декларации встречаются не с насмешками и грубыми ругательствами газетчиками (обвинениями в двурушничестве, карикатурами и т.д.), а выражениями благодарности, составленными в дипломатических, вежливых выражениях. Сталин благодарит за "заботу о Красной армии". Это означало начало перелома в отношении Церкви. Николай Павлович, вернувшись из очередной командировки, приветствовал жену восклицанием: "Отсиделись!"

Действительно, по сравнению с недвусмысленными угрозами, что религиозные предрассудки будут изжиты в течение 3-ей пятилетки, это был огромный прогресс. В 1945 году происходит открытие в Москве православного богословского института. Н.П. Иванов один из первых подает туда заявление. В его жизни открывается новая страница. Н.П. Иванов с жаром принимается за учебу. Человек интеллигентный, начитанный, глубоко увлеченный богословскими проблемами, он, разумеется, быстро выходит на одно из первых мест по успеваемости. И в то же время перед ним возникает новое, неожиданное препятствие: православная академия 40-х годов соединяет строгую политическую лояльность, которая порой переходит в прямое сикофанство с необыкновенным консер-

ватизмом в богословских вопросах. (Сикофант — в древне-греческой трагедии классическая фигура доносчика).

Здесь цели представителей МГБ и крайних консерваторов неожиданно совпадают: и те и другие хотят превратить Церковь в музей, глубоко чуждый молодым поколениям, приспособленный лишь для обслуживания невежественных стариков и старушек. Всякая живая мысль поэтому вытравлялась. Преподавание проводилось по шпаргалкам столетней давности.

Катехизис Филарета. Учебник Малиновского. Догматическое богословие митрополита Макария, — таковы непререкаемые авторитеты московских богословов. Н.П.Иванов прослыл тотчас в этой среде вольнодумцем.

Ему удалось сохраниться в академии, но его ущемляли как могли. И для кандидатской диссертации ему дали тему не по догматическому богословию, к которому лежало его сердце, а тему по истории Русской Церкви: "Автокефалия Русской Церкви".

Но вот наступает 1950 год. Окончание духовной академии. Он получает назначение преподавателем духовной семинарии в Саратов. Он достиг того к чему стремился. Он преподает с увлечением. В короткий срок он становится любимцем своих учеников. Обращают на него внимание и некоторые заправилы из "высоких учреждений". Следует лестное предложение установить с ним связь. Категорический отказ. А в 1956 году — отставка. Ему приходится расстаться с Саратовым.

И вот он опять в Москве. Пути ведут в мос-

ковскую духовную семинарию и тут им начинает заниматься Н.Ф. Колчицкий — самое высокое лицо в то время в Русской Православной Церкви. Он управляет делами Патриархии. Кроме того, он заведует Учебным Комитетом Патриархии. Долгие переговоры. Колчицкий с ним играет, как кошка с мышкой. То обещает все на свете, то берет назад свои обещания. Оканчиваются переговоры полным разрывом. И наш кандидат богословия остается безработным.

Но, к счастью, времена уже несколько другие. Открываются новые возможности. Николай Павлович решил постучаться в двери журнала Московской Патриархии. Там дух несколько иной. Во главе журнала, как и других идеологических учреждений, стоит митрополит Крутицкий Николай. Колчицкий, к счастью, не имеет отношения к учреждениям, соприкасающимися с Западом. Здесь надо показывать либерализм, производить впечатление, что кое-что изменилось с 1953 года (смерть Сталина) и с 1956 года (XX партсъезд). Проводниками этого нового духа являются в широком масштабе митрополит Николай ("министр иностранных дел" Русской Церкви), и его помощник Анатолий Васильевич Ведерников, хорошо знающий Иванова со студенческих времен. И вот, Н.П. Иванов становится одним из главных сотрудников журнала. Он занимает эту должность в течение десяти лет, а впоследствии, до самой смерти, работает в журнале в качестве сверхштатного сотрудника. Его обязанности были многообразны.

Во-первых, он был автором ряда статей на религиозные, церковно-исторические, юбилейные те-

мы. Как мы писали выше, журнал был несколько более свободен, чем другие религиозные учреждения (семинарии, академии и прочие), -- однако, суровая цензура довлела и над ним.

Цензура была тройкая. Всякая статья, поступавшая в журнал, сначала ложилась на редакторский стол, где она подвергалась скрупулезной чистке. Причем решающий аргумент — косой взгляд в сторону "органов": "это не пропустят", "это не пропустят", — и всякая смелая мысль вычеркивалась. Затем кастрированная таким образом, статья поступала в Совет по делам Православной Церкви (Карпов), там, со своей стороны, наводили порядки и внимательно следили, чтобы ничего не проскочило в статье крамольного. Так, нельзя было в статье упоминать о закрытых храмах. Нельзя было также упоминать о храмах, которые существовали до революции, т.к. у читателя мог бы возникнуть вопрос, а где эти храмы сейчас? Нельзя было ссылаться на многие дореволюционные источники, — нельзя было ссылаться и на советские источники, так как в ответ следовало категорическое заявление: "Так что же, выходит, мы работаем на вас?" Нельзя было говорить о каких бы то ни было реакционных высказываниях церковных деятелей, т.к. это вызывало обвинение в пропаганде контрреволюции. Нельзя было и цитировать гуманистические высказывания церковных деятелей, т.к. это вызывало обвинение в идеализации религии. Нельзя было отзываться положительно об инославных церквях, т.к. это означало восхваление Запада. Нельзя было отзываться отрицательно о западных исторических деятелях в

прошлом и настоящем. ("А вдруг они обидятся"). Работать в этой атмосфере было невероятно трудно. Приходилось все время вертеться, крутиться, вычеркивать, вымарывать, переписывать.

Николай Петрович со свойственной ему добросовестностью делал все, чтобы как-то спасти положение, протащить в журнал нечто стоящее, полезное духовенству, расширяющее его кругозор.

Увы! Это не всегда удавалось. Не могу умолчать о том, что я многим обязан Николаю Павловичу. Он и Анатолий Васильевич ввели меня, вечного крамольника, в журнал в качестве негласного сотрудника. И благодаря этому мне удалось опубликовать сорок своих статей на церковно-исторические темы.

В это время Н.П.Иванову удалось написать несколько ценных работ, которые прошли помимо журнала.

В 1958 году началось оживление антирелигиозной деятельности. Это было сделано по приказу Н.С.Хрущева, который, таким образом, хотел воскресить времена своей комсомольской юности. Главным орудием антирелигиозной пропаганды стала безнадежно устаревшая теория, отрицавшая историческое существование не только Христа, но и всех библейских персонажей и евангельских событий. Некая антирелигиозница Воропаева написала изданную многотысячным тиражом книжечку под претенциозным названием "Жил ли Христос?" Эта книжечка, широко разрекламированная, рекомендовалась как последнее слово исторической науки. Она привлекла внимание митрополита Николая. Иванову было поручено написать опровер-

жение. Тут впервые проявился большой полемический талант Иванова. В короткий срок он овладел огромным научным материалом. Создал блестящее, написанное на высоком уровне опровержение мифологической теории. Этот трактат выходит далеко за рамки полемики с Воропаевой. Он, по существу, убил мифологическую теорию, — и в дальнейшем эта теория уже не появлялась на страницах советской прессы.

Вскоре, впрочем, появились такие отзывы делегаций итальянской христианско-демократической партии, члены которой высмеяли эту теорию. В провале этой теории большая заслуга русского богослова Н.П.Иванова.

В эти же годы Н.П.Иванов пишет весьма серьезный труд по истории церковной смуты 20-х годов: "Владимировщина и ее значение в истории раскола". В этом труде он очень подробно и беспристрастно анализирует раскол пензенского архиепископа Владимира Путяты (1919-1925 г.г.), который является предшественником обновленчества.

Добросовестный исторический труд, изобилующий документами и иллюстрационными личными воспоминаниями, дает колоритную картину русской церковной жизни первых лет революции, и без нее не может обойтись ни один историк русской церковной смуты 20-х годов. В дальнейшем Николай Павлович наряду с работой в журнале написал еще ряд ценных талантливых работ.

В качестве богослова Н.П.Иванов принадлежит к русской школе мистического богословия, наиболее видным представителем которой явля-

ется Патриарх Сергей Старогородский (1868-1944 г.г.).

Независимо от его общественно-политических позиций Патриарх Сергей в 90-х годах прошлого века блеснул в русском богословии как яркая звезда — основоположник новой школы. Книга иеромонаха Сергея "Православное учение о спасении" (Сергиев Посад, 1898 г.), независимо от нашего отношения к его личности, является основой русского богословия. Н.П.Иванов в качестве ученика Сергея отвергает одновременно и средневековую теорию сатисфакции (искупление — как удовлетворение Божьего гнева), так и протестантскую духовно-нравственную теорию, которая сводит все дело искупления Христова лишь к духовно-нравственным назидательным началам.

Он отстаивает мистически-благодатную теорию, согласно которой не Богу, а людям надо было открыть путь к Божественной любви. На этой точке зрения Николай Павлович твердо стоял и с этой верой умер.

Как я указывал в начале настоящих воспоминаний, я имел свидание с Николаем Павловичем 7-го апреля 1990 года в Москве. Это была последняя наша встреча Он был бодр, энергичен, но не делал никаких иллюзий насчет своего состояния. Считал, что проживет до осени. Он хотел к этому времени издать только что законченный им большой труд по богословию. Предлагал его мне для прочтения. Я отказался, руководствуясь, быть может, чувством ложной щепетильности: пишущий человек не должен читать труд по своей специальности, пока он не опубликован. И раскаиваюсь в

этом. Видимо, это очень интересный, творческий труд. Как известно, Николай Павлович ошибся в своем прогнозе: его смерть последовала не осенью. Он умер 2-го мая 1990 года. Я был тогда еще в Москве. Видел его умершего. Присутствовал на похоронах. Молился.

Мечтой Николая Павловича с детства было служение Церкви в священном сане. По натуре он был очень церковный человек: он знал богослужение как профессиональный псаломщик, стихиры и ирмосы он знал наизусть. Но только на старости лет ему удалось осуществить свое призвание. В Саратове, в то время, когда он был преподавателем в семинарии, правил епархией епископ (впоследствии митрополит Гурий Егоров), — один из самых своеобразных архиереев Русской Церкви. Ученый монах, воспитанник дореволюционной Петербургской духовной академии, он был популярным человеком среди питерского духовенства еще в 20-е годы. Кто из верующих людей Питера не знал трех братьев: Гурия, Льва и третьего брата, профессора путей сообщения Егорова (также глубоко верующего, церковного человека)? Тяжкий жизненный путь предстоял братьям архимандритам: о. Лев скончался в застенке, а о. Гурий провел долгие годы в лагерях и лишь на старости лет стал архиереем. Владыка Гурий обратил внимание на глубоко религиозного, образованного преподавателя Саратовской семинарии. И он, по просьбе Николая Павловича, рукополагает его в диакона.

Впоследствии, уже в последние годы жизни, он сближается еще с одним своеобразным архиереем: митрополитом Ярославским Иоанном

Вендландом, с которым он когда-то учился в духовной академии. Человек высокой культуры, из семьи остзейских баронов, владыка Иоанн также понял своеобразный характер Николая Павловича и он рукополагает его в священника в своей епархии, в городе Переславле-Залесском. А незадолго до смерти о. Николай был возведен в сан протоиерея. Формально ничего не изменилось в жизни Николая Павловича. Он никогда не служил на приходе, не был штатным священником. Он по-прежнему занимается научной, богословской работой.

Но в его духовной жизни произошла большая перемена. Он совершает литургию, постоянно общается Святых Таин, становится мягче, добрее, ближе к Богу.

Впрочем, и раньше, еще будучи в сане, Николай Павлович был истинным христианином. Это испытал неоднократно и я. Имея с ним разномыслия по богословским и общественным вопросам, часто горячо с ним споря, идя с ним по разным путям, в тяжелые моменты своей бурной жизни я всегда имел в его лице близкого друга, брата, родного человека. Он всегда помогал мне в тяжелые моменты и деньгами, и братской помощью, и поддержкой, и духовной солидарностью.

Протоиерейство и добрую его душу, и труды да помянет Господь Бог во Царствии Своем. Аминь.

Когда-то Горький в очередном демагогическом порыве произнес следующую фразу: "Капитализм мьял, душил множество талантов".

Насколько эти слова во много раз более подходят к советскому, как и ко всякому деспотическому режиму.

Об одном таком таланте, измятом, придавленном, страдавшем, рассказывают эти заметки.

